

Песня «В землянке».

Работу выполнили
ученицы 7 «б» класса
Лескина Ксения и Рычкова Стефания

В землянке.

Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
 Про улыбку твою и глаза.
О тебе мне шептали кусты
В белоснежных полях под
 Москвой.
Я хочу, чтоб услышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега
До тебя мне дойти не легко,
А до смерти - четыре шага.
Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке
 тепло
От твой негасимой любви.

1941 г. Алексей Сурков

В ЗЕМЛЯНКЕ

Слова А. СУРКОВА

Музыка К. ЛИСТОВА

Не скоро, с теплотой

p Gm D7 Gm

Бьется в тесной пещурке огонь,
на полянках смола, как слеза.

p G7 Cm Gm

И поет мне в землянке гармонь
про улыбку твою и глаза. Про тебя
мне шептали кушты в белых
снежных полях под Москвой. Я хочу,
чтобы слышала ты, как тоскует мой
голос живой. — ни.

Для повторения: Gm Gm

Для окончания: Gm

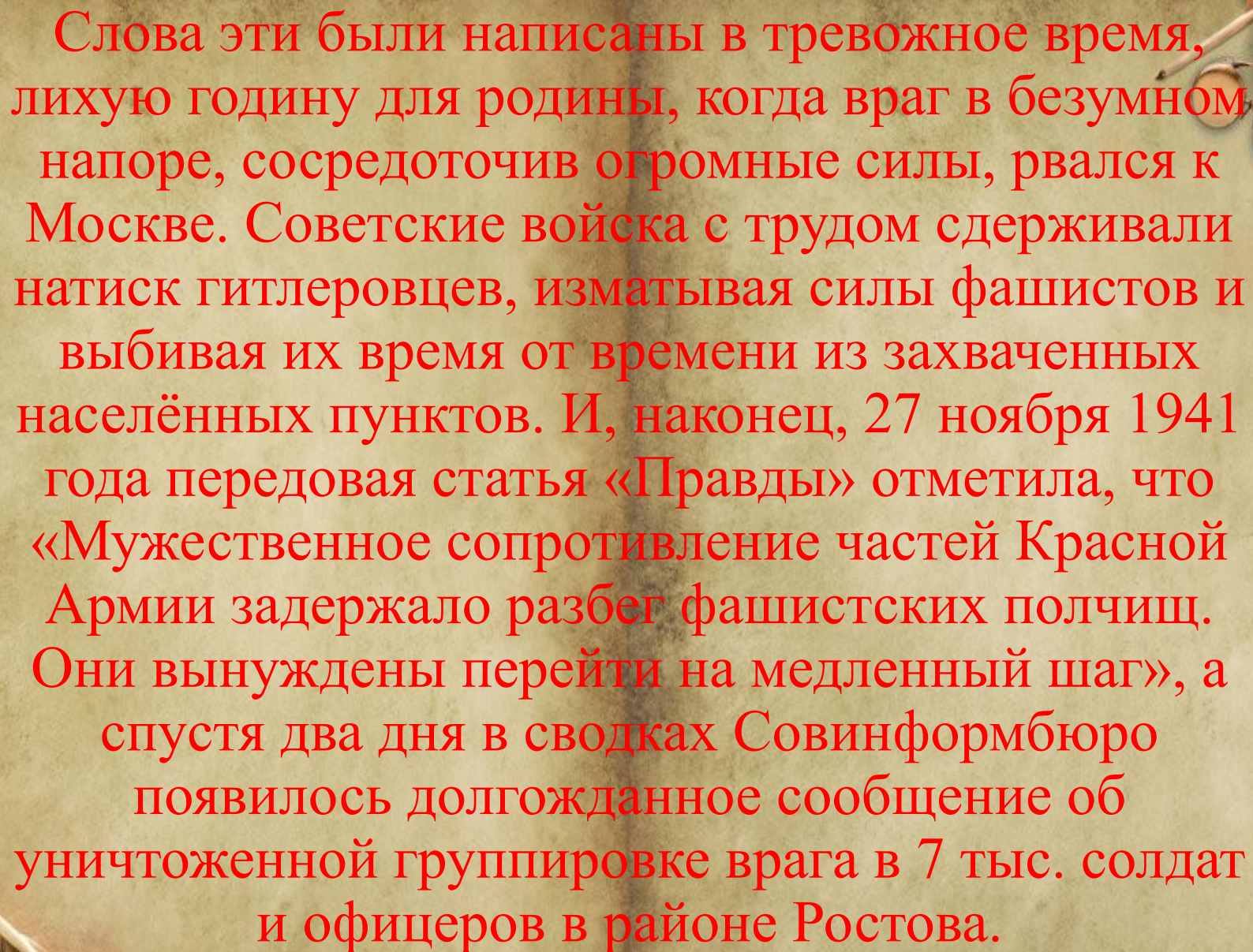

Строки будущей популярной песни были написаны поэтом Алексеем Сурковым в домашнем письме жене после трудного боя под городом Истрой в конце ноября 1941 года, когда ему пришлось пробиваться вместе со штабом полка через позиции фашистов... В марте 1942 года зазвучала на фронтах в землянках удивительно лирическая песня с ласкающими душу словами о печурке и бьющемся в ней огне, искрящаяся теплом любви, верности и надежды.

Алексей Александрович
Сурков

 MyShared

Слова эти были написаны в тревожное время, лихую годину для родины, когда враг в безумном напоре, сосредоточив огромные силы, рвался к Москве. Советские войска с трудом сдерживали натиск гитлеровцев, изматывая силы фашистов и выбивая их время от времени из захваченных населённых пунктов. И, наконец, 27 ноября 1941 года передовая статья «Правды» отметила, что «Мужественное сопротивление частей Красной Армии задержало разбег фашистских полчищ. Они вынуждены перейти на медленный шаг», а спустя два дня в сводках Совинформбюро появилось долгожданное сообщение об уничтоженной группировке врага в 7 тыс. солдат и офицеров в районе Ростова.

Как сложилась песня.

Герой Социалистического труда А.А.Сурков вспоминает, что под впечатлением пережитого под Истрой, 27 ноября 1941 года, он написал жене Софье Антоновне Кревс письмо, в котором были такие строки:

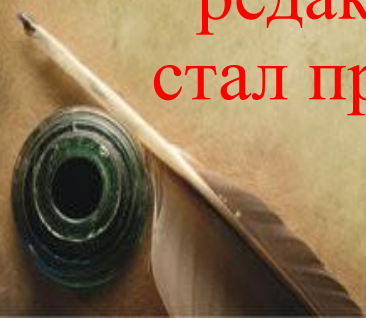
Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.
О тебе мне шептали кусты
В белоснежных полях под
Москвой.

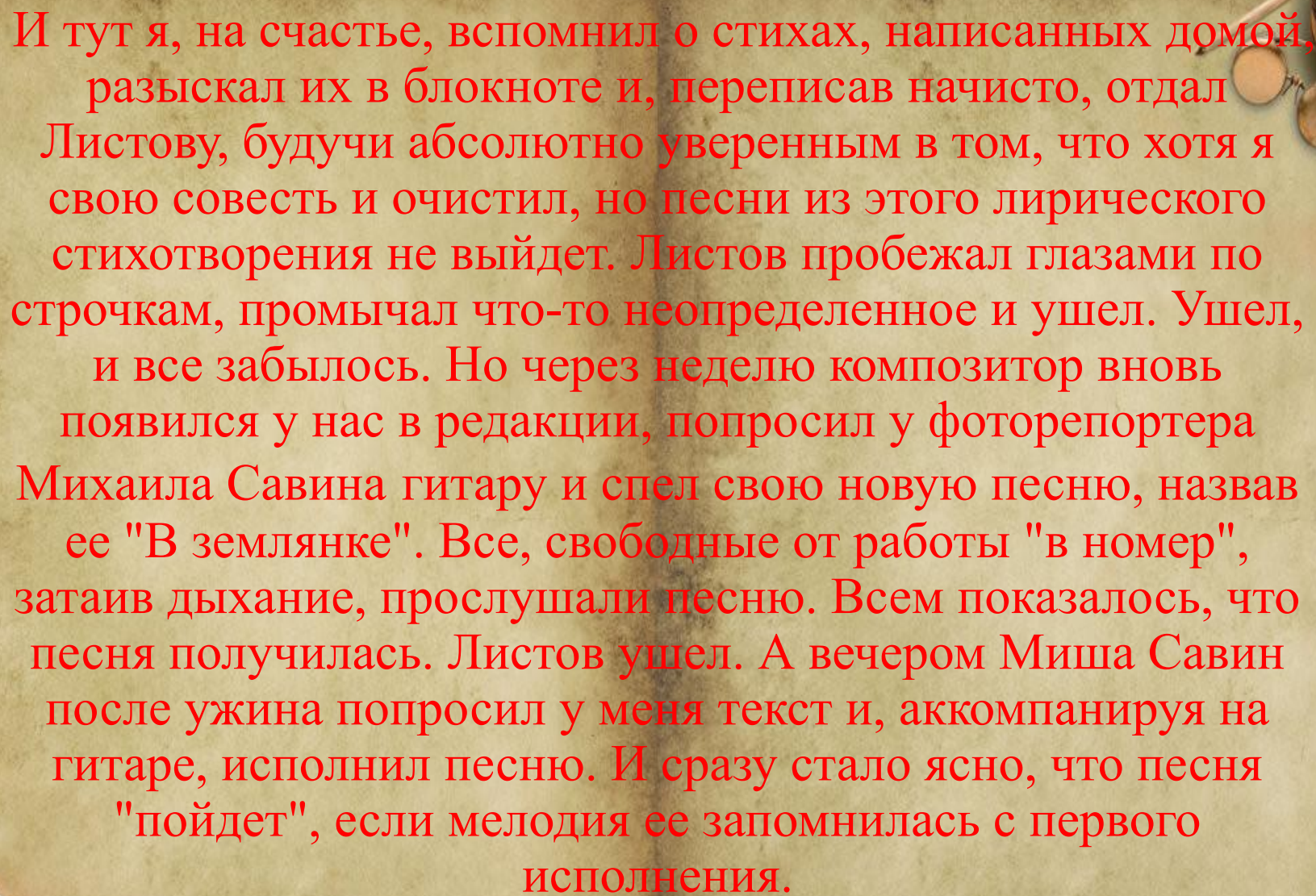
Я хочу, чтоб слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега
До тебя мне дойти не легко,
А до смерти - четыре шага.
Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке
тепло
От твой негасимой любви.

Из воспоминаний Алексея Суркова: Расскажу историю песни, которая родилась в конце ноября 1941 года после одного очень трудного для меня фронтового дня под Истрой. Эта песня "Бьется в тесной печурке огонь...". Если я не ошибаюсь, она была первой лирической песней, рожденной из пламени Великой Отечественной войны, принятой и сердцем солдата, и сердцем тех, кто его ждал с войны. Стихи мои "Бьется в тесной печурке огонь" так бы и остались частью письма, если бы в феврале 1942 года не приехал в Москву из эвакуации, не пришел в нашу фронтовую редакцию композитор Константин Листов и не стал просить "что-нибудь, на что можно написать песню".

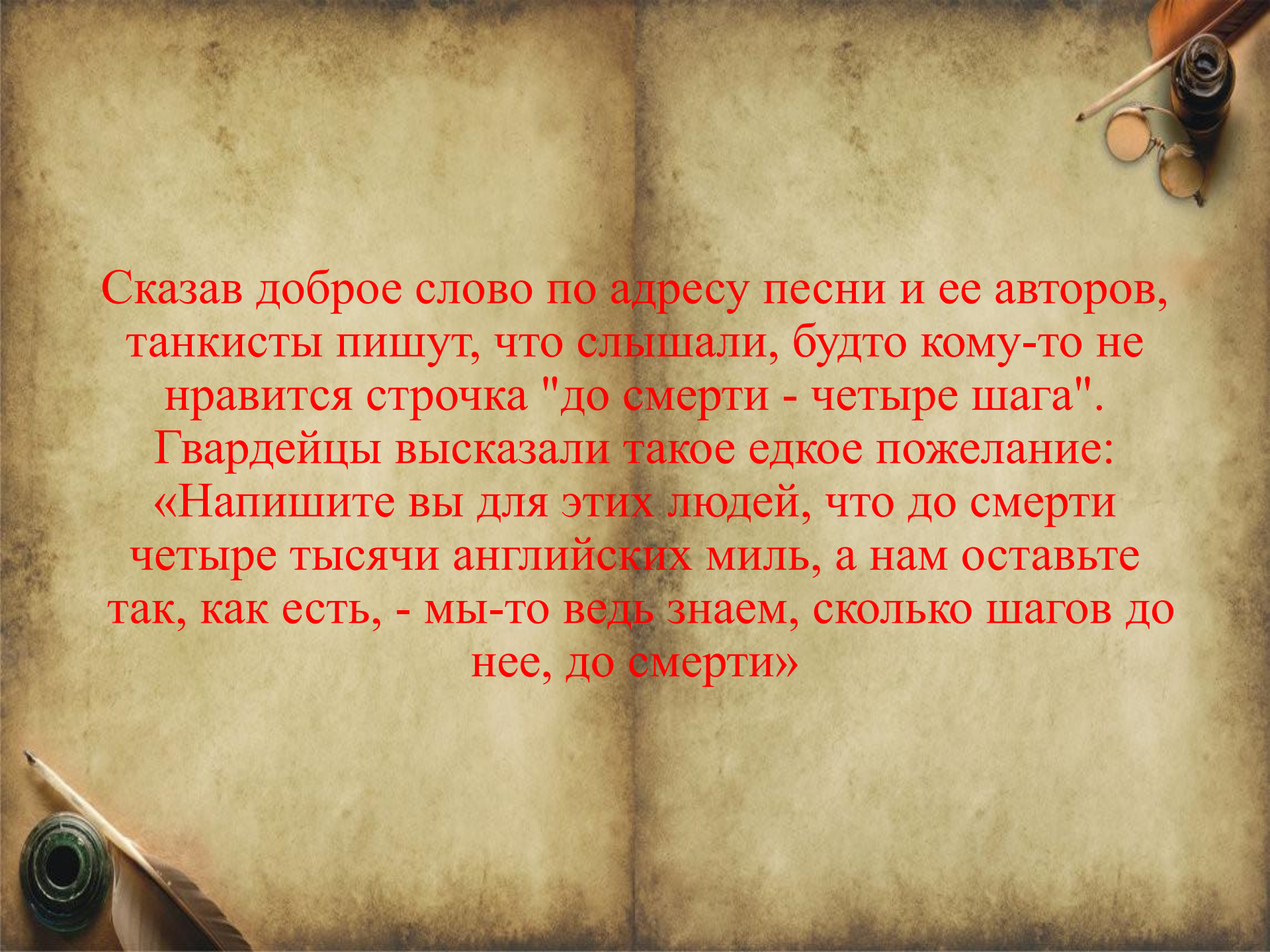

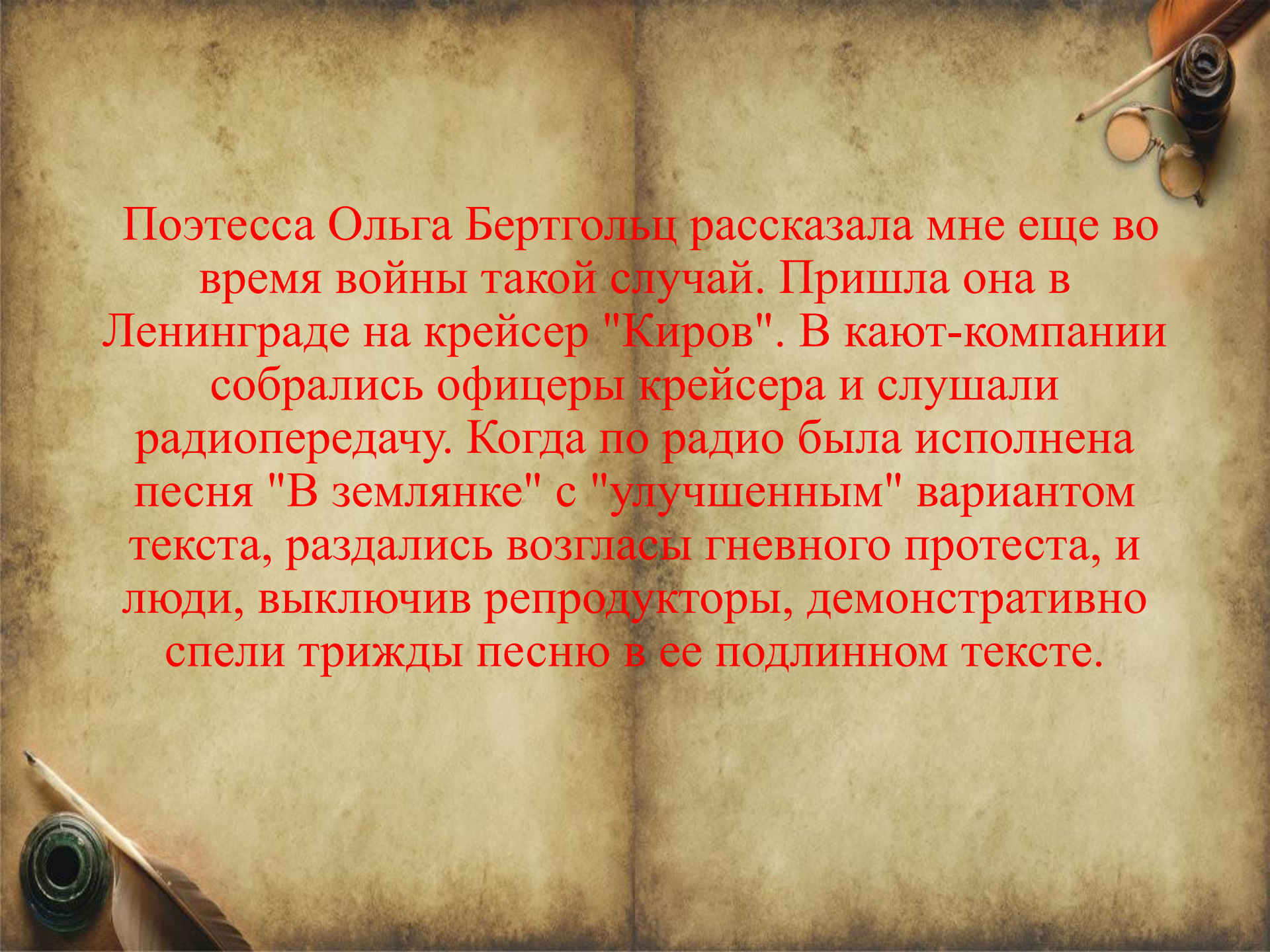
И тут я, на счастье, вспомнил о стихах, написанных домой, разыскал их в блокноте и, переписав начисто, отдал Листову, будучи абсолютно уверенным в том, что хотя я свою совесть и очистил, но песни из этого лирического стихотворения не выйдут. Листов пробежал глазами по строчкам, промычал что-то неопределенное и ушел. Ушел, и все забылось. Но через неделю композитор вновь появился у нас в редакции, попросил у фоторепортера Михаила Савина гитару и спел свою новую песню, назвав ее "В землянке". Все, свободные от работы "в номер", затаив дыхание, прослушали песню. Всем показалось, что песня получилась. Листов ушел. А вечером Миша Савин после ужина попросил у меня текст и, аккомпанируя на гитаре, исполнил песню. И сразу стало ясно, что песня "пойдет", если мелодия ее запомнилась с первого исполнения.

Песня действительно "пошла". По всем фронтам - от Севастополя до Ленинграда и Полярного.

Некоторым блюстителям фронтовой нравственности показалось, что строки: "...до тебя мне дойти нелегко, а до смерти - четыре шага - упадочнические, разоружающие. Просили и даже требовали, чтобы про смерть вычеркнуть или отодвинуть ее дальше от окопа. Но мне жаль было менять слова - они очень точно передавали то, что было пережито, перечувствовано там, в бою, да и портить песню было уже поздно, она "пошла". А, как известно, "из песни слова не выкинешь". О том, что с песней "мудрят", дознались воюющие люди. В моем беспорядочном армейском архиве есть письмо, подписанное шестью гвардейцами-танкистами.

Сказав доброе слово по адресу песни и ее авторов, танкисты пишут, что слышали, будто кому-то не нравится строчка "до смерти - четыре шага". Гвардейцы высказали такое едкое пожелание: «Напишите вы для этих людей, что до смерти четыре тысячи английских миль, а нам оставьте так, как есть, - мы-то ведь знаем, сколько шагов до нее, до смерти»

Поэтесса Ольга Бертгольц рассказала мне еще во время войны такой случай. Пришла она в Ленинграде на крейсер "Киров". В кают-компании собрались офицеры крейсера и слушали радиопередачу. Когда по радио была исполнена песня "В землянке" с "улучшенным" вариантом текста, раздались возгласы гневного протеста, и люди, выключив репродукторы, демонстративно спели трижды песню в ее подлинном тексте.

Благодарим за внимание.

